

Глава 2

Джеймс Лемон, которого близкие — отец, брат да пара лучших друзей — звали просто Джимми, вырос в неполной семье.

Мать покинула этот мир в день его рождения. Она оставила в колыбели крошечного младенца, повесив заботу о нём на шестилетнего первенца Линда и бестолкового мужа, который и за собой-то уследить не умел.

Положение хуже некуда.

И паршивее всего было то, что безутешному вдовцу и сироте пришлось глушить горечь утраты в суматохе и панике: на их руках оказался новорождённый, способный лишь истошно вопить. Справляться с младенцем они не умели совершенно. Психика обоих трещала по швам. Настоящая житейская трагедия в четырёх стенах.

Младенец Джеймс был сущим дьяволом. Он орал без умолку день и ночь, изо дня в день.

Проголодался — в крик. Захотел пить — в слёзы. Подушка неудобная, пелёнки мокрые, на душе тоскливо, сон не идёт — повод находился всегда. Джеймс голосил двадцать четыре часа в сутки, когда вздумается, плевав на чужие дела и время суток.

Отец Джон и старший брат Линд выбивались из сил, утопая в хаосе из грязных подгузников и летающих бутылочек со смесью.

Со временем Джеймс кричать перестал. Но на смену младенческим капризам пришли новые беды.

Подрастая, мальчик обзавёлся собственными мыслями и переживаниями, вот только у старого Джона напрочь отсутствовали гены нежности. Слушать и понимать он не умел принципиально.

Сыновей он воспитывал как щенят — без всякой задней мысли, просто иначе не умел. Кормил сытно, карманных денег не жалел, разговаривал исключительно командным тоном, а по выходным выводил прогуляться. Что же до душевных бесед и отцовских объятий... тут уж увольте, суровый работяга Джон к такому был не приспособлен.

Линд, его старший брат, унаследовал от отца всю непрошибаемую прямолинейность и умудрился возвести её в абсолют. Этот негодяй обожал глумиться над ранимым Джимми, ухмыляясь вслед за отцом:

— Да брось, ты что, девчонка-Джиммигёрл?

И при каждом удобном случае непременно поддевал младшего:

— Эй, полегче с нежностями, братец. Смени пластинку, ты мне не сестрёнка, чтобы нюни распускать.

«Грёбанный сексизм, — в сердцах думал тогда Джеймс. — Да с вашим эмоциональным интеллектом, будь я хоть трижды девчонкой, ничего бы не изменилось. Вы, два придурка, просто не умеете разговаривать по-человечески».

Словом, сколько Джеймс себя помнил, уютom в их доме и не пахло.

Но это вовсе не означало, что отец и брат его не любили.

В детстве Линд частенько тискал его так, словно оберегал редчайшее сокровище, которое вот-вот попытаются украсть. Он даже с чисто подростковым пафосом объявлял всему свету:

— Джимми — мой. И никто у меня его не отберёт.

А маленький Джеймс и впрямь рос очаровательным: белокожий, златокудрый, ну чисто фарфоровый ангелочек.

Помнится, сидел он, голопопый и довольный, прижавшись к старшему брату, сосал палец, пускал слюни и глупо улыбался во весь рот, сверкая глазёнками.

Отец преспокойно доставал старый полуразвалившийся фотоаппарат и увлечённо щёлкал «идиллию». Позже эти карточки дополнили личный архив Линда, бережно им хранимый, в то время как повзрослевший Джеймс мечтал лишь об одном — найти этот компромат и сжечь к чертям собачьим.

Конечно, в чисто мужском коллективе не обходилось без бурных скандалов и драк. Настоящий бедлам.

Но они прекрасно понимали: это и есть семья. Те самые люди, которым ты сначала сгоряча проламываешь череп, потом заботливо везёшь в больницу на перевязку, а вернувшись домой, продолжаешь прерванный раунд.

Так что у Джеймса не имелось ни горьких сожалений, ни несбывшихся надежд, которые требовалось во что бы то ни стало исполнить, ни жажды мести.

Внезапное перемещение во времени сбilo его с толку и оставило в полнейшем замешательстве. Если называть вещи своими именами, его просто до безумия злило случившееся. Его взрослая жизнь только-только наладилась, вошла в нормальную колею, и

менять этот хрупкий порядок он не желал даже ради мифического «второго шанса».

Но чёртов мускулистый ангел лишил его права выбора. Одной левой швырнул обратно в шестнадцатилетие, процедив на прощание что-то вроде напутствия:

— У тебя есть дар, парень. Но без усердия любой талант превратится в пшик. Так что давай, пой и репетируй. А как придёт твой час — я вернусь и заберу тебя в рай.

После чего взмахнул крыльями и растаял в воздухе. Тоже мне, группа поддержки.

Потрясающая беспардонность.

Если небесный отдел кадров всегда работает по таким схемам, то райская канцелярия до сих пор держится на плаву лишь потому, что в аду менеджмент ещё хуже!

Впрочем, скинуть десяток лет — приобретение неплохое.

Джеймс немного посидел в тишине, собираясь с мыслями, а потом решил спуститься вниз, повидать отца и брата, а уж потом решать, что делать с этой новой реальностью.

Он толкнул дверь спальни, прошёл по полузабытому тёмному коридору и начал спускаться. Ступени поскрипывали под ногами, а воздух становился всё плотнее, пропитываясь застарелым табачным дымом, дешёвым элем и резким душком скотча.

Внизу обретались два главных семейных оболтуса — папаша Джон и старший братец Линд.

Развалившись на колченогом диване в тесной гостиной, они дымили сигаретами, глушили пиво из банок и с увлечением комментировали какую-то пошлую, непроходимо глупую телепередачу, то и дело хлопая себя по ляжкам и оглушительно гогоча.

— О, гляди-ка, мелкий очухался! У тебя что, жар спал? — первым заметил брата Линд.

Старый Джон оторвался от экрана и одобрительно хмыкнул:

— Ха! Я же говорил, что хрен ты загнёшься. Молодчина!

«Значит, ровно десять лет назад я валялся в лихорадке?» — припомнил Джеймс.

Следом пришла другая мысль:

«И это они так спрашивают о здоровье больного родственника?»

Лицо Джеймса оставалось бесстрастным, хотя внутри всё кипело.

В своей тридцатилетней жизни он слишком погряз в бесконечной рабочей суете и отвык от этих мужланов. На секунду он даже растерялся, не зная, как реагировать.

Но, чёрт возьми, до чего же странное ощущение!

За целое десятилетие эти двое не изменились ни на йоту. Никакого чувства отчуждения — они были ровно теми же неотёсанными чурбанами, что и всегда. Если резюмировать кратко: деликатности от них не дождёшься и под дулом пистолета.

— Ну и чего ты застыл на пороге, Джимми?

Линд незаметно окинул его быстрым оценивающим взглядом и, убедившись, что младший твёрдо стоит на ногах, беспечно махнул рукой в сторону кухни:

— Я там сообразил тебе перекусить, для поправки здоровья. Иди забирай.

Особая еда для больного.

При этом слове в голове щёлкнуло, и покрытые пылью воспоминания десятилетней давности мгновенно прояснились.

Джеймс наконец-то вспомнил этот злополучный день.

Он медленно побрёл на кухню. На столе его действительно ждал кулинарный шедевр от шеф-повара Линда.

На огромной тарелке покоилось нечто невообразимое: обугленный до черноты запечённый банан, гора плавающих во вчерашнем кляре и залитых липким соусом дешёвых полуфабрикатных фиш-энд-чипс, а увенчивал композицию бутерброд с завядшим листом капусты и ломтиком подозрительного бекона.

Надо признать, Линд старался изо всех сил.

Порция вышла поистине гигантской — обычно себе он шлёпал косой сэндвич и на этом успокаивался. Тут же присутствовали и горячее, и гарнир, и зелень, и даже десерт.

Но благие намерения разбились о суровую реальность: готовить парень не умел от слова

«совсем».

Судя по всему, у плиты он стоял с зажжённой сигаретой в зубах.

Потому что Джеймс до сих пор отчётливо помнил, как в прошлый раз, изнывая от голода после тяжёлой лихорадки, сунулся на кухню, попытался съесть этот банан и знатно наглотался пепла. Осколки яичной скорлупы в рыбе, живые гусеницы на непромытых капустных листьях и склизкий бекон с истёкшим сроком годности — всё это было в порядке вещей. Фирменный семейный стиль: дополнительный протеин, кальций и полная антисанитария.

«М-да, забота, — мысленно усмехнулся он. — Премного благодарен, братец».

Конечно, шестнадцатилетний Джеймс церемониться не стал бы.

В те годы он пребывал в самом расцвете пубертатного бунта: вспыльчивый, капризный, да ещё и ослабленный болезнью. Он просто взбесился, вылетел в гостиную и швырнул тарелку прямо в физиономию Линда.

Они тогда сцепились не на жизнь, а на смерть, превратив гостиную в руины.

А папаша Джон, окончательно потеряв терпение, достал из шкафа двустволку и пообещал лично пристрелить обоих недоумков, если они не угомонятся.

Позже, конечно, Линд извинился перед своим драгоценным Джимми. Пробормотал, что отвлёкся на какие-то свои мысли и недоглядел за стряпнёй...

Но если подумать, Линд был всего лишь старшим братом, а не личным шеф-поваром на зарплате, и готовить вообще не нанимался.

Джеймс невольно вздохнул.

Ему стало невыносимо стыдно за своё прежнее поведение: эти детские истерики, вопли о домашнем насилии и искреннюю убеждённость в том, что весь мир ополчился против него. Каким же глупым малолетним придурком он был.

С этой точки зрения возвращение в прошлое имело свои плюсы.

По крайней мере, на сей раз он избавит лицо Линда от близкого знакомства с жареным бананом. Хотя, признаться честно, воспоминание о том броске до сих пор согревало душу.

Джеймс без тени сомнения вывалил всё содержимое тарелки в мусорное ведро.

Сзади тут же раздался разъярённый, полный искренней обиды вопль Линда:

— Твою мать, Джимми! Ты что творишь, ублюдок?! Я полчаса у плиты корячился, специально для тебя старался!

«Полчаса? И за это время сотворил такое дерьмо?»

Джеймс совершенно не желал тратить силы на бессмысленную семейную грызню.

Но у старого Джона, сидевшего в гостиной, мгновенно сорвало резьбу. Он взвился с дивана и заорал на весь дом:

— Линд Лемон, щенок поганый! Ты чью мать собрался трахать?! Забыл, паршивец, кто тебя родил?!

Ну и семейка. Полный дурдом.

<http://bllate.org/book/19389/1934622>